

Въ минуты досуга.

Изъ воспоминаній кровнаго вологжанина.

II *).

Охоты съ Михайломъ съ гончими.—Мой первый заяцъ.—Компаньоны, Григорій и его „Нѣмтушка“.—Встрѣча съ О. К. Маакомъ.—Горша Ледковъ.—Богусевичъ.—Охоты въ озерахъ.—Выгодный урокъ.—Путешествіе въ Куркино.—Охоты и ловля на Спасскихъ прудахъ.

удьба свела меня съ охотникомъ Михайломъ, съ которымъ мы въ короткій срокъ стали неразрывными друзьями. Михаилъ, вращаясь постоянно среди мастеровыхъ, зналъ массу всевозможныхъ поговорокъ, прибаутокъ и побасенокъ, которыми и сыпалъ во время странствованій. Какъ ни мизерны были его карманные гончаки „Чиногика“ и „Матроска“, которыхъ Михаилъ безгранично любилъ, но мы съ ними охотились ничуть не хуже другихъ охотниковъ: гоняли по цѣлымъ днямъ, хотя зайцевъ убивали и мало, ибо такъ сильно волновались, что нерѣдко не въ состояніи были выстрѣлить по сидящему въ 10 шагахъ ко-сому и лишь горестно вздыхали, когда послѣдній, достаточно налюбовавшись нашимъ столбнякомъ, благополучно скрывался въ заросляхъ. Не забыть мнѣ *перваго*, убитаго мною зайца.

Мы съ Михайломъ шли березнякомъ за с. Ковыринымъ направляясь къ Василевой рошѣ. Вдругъ „Чиногикъ“ отчаянно затывкалъ, подвалилъ „Матроска“, и гонъ начался.

Я остановился на узенькой дорожкѣ, на готовѣ съ своей длинной фузейей. Сердце стучало отчаянно, ружье плясало

*) См. VII кн. „Природа и Охота“ за 1903 г.

въ рукахъ. Давъ небольшого круга, прибылой бѣлячишко выкатилъ на дорогу шагахъ въ 15 отъ меня. Я такъ потерялся, что не могъ и ружья къ плечу поднять, а только сдавилъ руками шейку. Вдругъ раздался оглушительный выстрѣлъ, меня изрядно толкнуло въ животъ и о, счастье!—зайчишка, обливаясь кровью, завертѣлся на дорогѣ. Бросивъ дымящееся ружье, я подбѣжалъ къ своему трофею, взявъ его въ руки и, подплясывая отъ восторга, началъ со всей силой кричать Михаилу. Подбѣжали собаки, начали хватать зайца; подошелъ и Михаилъ, которому я безсвязно и рассказалъ о своей удачѣ. Боже!—съ какой завистью глядѣлъ онъ на несчастнаго косога! А сколько было тутъ восторговъ и разговоровъ! Съ какой гордостью таскалъ я цѣлый день свой трофей и съ какимъ побѣдоноснымъ видомъ шелъ я городомъ къ дому, нарочно выбирая болѣе многлюдныя улицы!.. А какъ кипятился я дома, когда средній братъ мой, подтрунивая надо мной, сталъ увѣрять родныхъ, что зайца я нашелъ дохлаго и затѣмъ его разстрѣлялъ!..

Охотиться съ Михайломъ мы начинали, по общему обыкновенію, съ іюля мѣсяца, при этомъ пользовались исключительно праздниками, ибо въ будни Михаилъ былъ занятъ работой: строгалъ рамы, полировалъ столы и пр., а я ежедневно по цѣлымъ часамъ сидѣлъ у него и смотрѣлъ на его искусство. Иногда удавалось вырваться и въ будни, но тутъ всегда отецъ Михаила ворчалъ на насъ за бродяжничество.

Изрѣдка къ нашей компаніи примыкали братья Гущи (Е. Ф. и Н. Ф.), какой-то Лихачевъ и кучеръ гг. Царевскихъ, ражій дѣтина Всеволодъ, отличный стрѣлокъ по птицѣ.

Всего веселѣе было сообщество Жени Гущи, румянаго и развеселаго молодого человѣка: будучи нѣжно воспитаннымъ, онъ пабиралъ съ собой массу пирожковъ, булокъ и разныхъ сластей, которые мы и помогали ему уничтожать въ лѣсу. За Женой Г. всегда слѣдовали два деньщика его отца,—карявый ярославецъ Смирновъ, водившій на сворѣ гончака „Будилку“ и носившій рогъ и патронтажъ хозяина, и пузатый полякъ Лудковъ, таскавшій корзину съ провизіей.

Въ лѣсу обыкновенно Женя Г., имѣя сзади своихъ внуши-

тельныхъ тѣлохранителей; глушилъ изъ своего ружья дроздовъ, дятловъ, орѣховокъ или зябликовъ, а мы съ Михайломъ лазили по чащамъ и мастерили косыхъ. Насколько мы съ Михайломъ мало обращали вниманія на внѣшность, упиваясь процессомъ охоты или восторгаясь видами (а подъ Вологдой красивыхъ мѣстъ много), настолько Женья Г. былъ щепетилень въ этомъ отношеніи: его сапоги, ружье, рогъ и даже фізіономія всегда блестѣли, онъ всегда былъ умытъ, причесанъ и даже надушенъ. Мы часто подтрунивали надъ содержимымъ его корзины съ провизіей; недоставало въ ней только зеркала да банки съ помадой, тогда какъ мы съ Михайломъ довольствовались краюшкой хлѣба и десяткомъ огурцовъ.

Директоромъ реальнаго училища тогда былъ извѣстный въ Вологдѣ охотникъ и замѣчательный стрѣлокъ Оскаръ Карловичъ Маакъ. Однажды осенью мы бродили съ Михайломъ близъ Васильевой рощи. Собаки погналы, мы занялы лазы по рѣчкѣ Шолдѣ. Въ сторонѣ, къ Шалыгину, тоже чьи-то собаки гонялы. Стою я на тропкѣ и вслушиваюсь въ гонъ, осторожно покуривая изъ рукава. Вдругъ слѣва отъ меня раздался трескъ вѣтокъ и черезъ минуту лицомъ къ лицу со мной очутился симпатичный Оскаръ Карловичъ, въ охотничьемъ костюмѣ, съ дорогимъ Пиперомъ на рукѣ.

Изъ всѣхъ окрестностей Вологды мы чаще всего ходили съ Михайломъ въ т. н. Ковыринскія рощи (вер. 7—8 отъ города)—березнякъ, Рубцово, Красный и Долгій луга, Шалыгино, Бабурово и Церковное. Зайчишекъ тутъ водилось порядочно, и гону бывало всегда достаточно.

Въ іюлѣ, пока ночи были коротки, мы располагались на ночлегъ въ лѣсу, близъ Васильевой рощи, гдѣ у костра и спали до разсвѣта, а позднѣе ночевали въ дер. Онцыфоровѣ у знакомыхъ охотниковъ-мужичковъ, которымъ платили за ночлегъ, два самовара и молоко—всего 10 коп.: вотъ какъ дешева была въ то время охота подъ Вологдой. Затѣмъ, часто ходили по Кириловскому тракту, въ дер. Княгинино, около которой находилась обширная еловая роща, принадлежавшая помѣщику Васильеву (исправнику). Въ рощѣ

много было зайца бѣляка и русака (по опушкамъ), тетеревей, вальдшнеповъ и попадали рябки. Сначала мы ночевали въ Княгининѣ или Хрѣновѣ, а затѣмъ, когда познакомились съ лѣсникомъ Григоріемъ, то у него. Лѣсникъ Григорій караулилъ еловую рощу Васильева и жилъ въ центрѣ этой рощи, въ крохотной избушкѣ, получая за это что-то около 15 руб. въ годъ. Григорій былъ отставной солдатикъ, лѣтъ 30, маленькаго, даже крохотнаго роста, съ фізіономіей, сплошь заросшей рыжеватыми волосами. Онъ былъ очень юрокъ, подвиженъ, всегда веселъ, никогда не лгалъ и какъ ребенокъ радовался нашему приходу на охоту: въ душѣ Григорій былъ страстнымъ охотникомъ и всѣ праздники бродилъ съ ружьемъ по рощѣ, скрадывая косыхъ или тетеревей. Жилъ онъ безбѣдно, держалъ корову и дворнягу суку „Нѣмку“ или „Нѣмтушку“, старую презлую лохматую шавку, которая сторожила его дворъ въ будни, а по праздникамъ недурно гоняла зайцевъ. „Нѣмтушка“ всегда сидѣла на цѣпи и, будучи спущена на свободу, съ остервенѣніемъ бросалась на всякаго посторонняго человѣка возлѣ избушки, вслѣдствіе чего, предъ уходомъ на охоту, когда Григорій подходилъ къ конурѣ своей собаки, чтобы отстегнуть цѣпь, мы съ Михаиломъ всегда забирались высоко на огородъ и тамъ стояли 5—10 мин., выжидая, когда „Нѣмтушка“ успокоится и придетъ въ себя; въ противномъ случаѣ безъ этой предосторожности легко было лишиться части одежды и получить нѣсколько основательныхъ хватокъ. Избушка Григорія по внѣшнему виду напоминала избушки на курьихъ ножкахъ, которыя рисуютъ въ дѣтскихъ сказкахъ; однако онъ жилъ въ ней со старухой матерью, подмастерьемъ и женой Марьей, весьма простодушной особой. Охотничій инвентарь Григорія состоялъ изъ большого, объемистаго саквояжа, носимаго на кушакѣ черезъ плечо, въ которомъ обрѣтались порохъ въ жестянкѣ, пыжи—клокъ кудели, пистоны и нѣсколько фунтовъ крупной, какъ горохъ, дробы, которая съ шумомъ перекатывалась по дну саквояжа; тутъ же прятались и съѣстные припасы; затѣмъ фузея. Григорій обладалъ неуклюжей крынкой, передѣланной на дробовикъ; это орясина была на $\frac{1}{2}$ аршина

длиннѣе роста хозяина и вѣсила около 10 фун. Когда Григорій заряжалъ свою пищаль, то отодвигалъ прикладъ ея аршина на 2 отъ себѣ. Заряды были солидные и отмѣривались на глазъ; изъ фунта дроби выходило только 5—6 зарядовъ. Нечего и говорить, что бой этой фузеи былъ диковинный, но, къ сожалѣнію, она постоянно давала осѣчки, чѣмъ и приводила Григорія въ отчаяніе. Бывало, во время гона то и дѣло слышишь осѣчки Григорія, выйдешь къ нему и созерцаешь такую картину: бросивъ фузею на землю, безъ шапки, стоитъ бѣдный Григорій и съ плачущимъ лицомъ клянетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, свое смертоносное оружіе!

— Что же, братъ, ты не стрѣлялъ?—спросить.

— Да вотъ убоище-то,—опять не сдало!..

Какъ на смѣхъ, гонные и шумовые зайцы такъ и шли на него, а тотъ все свое: „Не сдало“!

Григорій сильно увлекался гончей охотой и нерѣдко, пересѣкая путь бѣгущему зайцу, запутывался въ валежникѣ и кубаремъ летѣлъ черезъ голову вмѣстѣ съ своей фузеей, потѣшая компанію. Для зайцевъ Григорій былъ почти безвреденъ, ибо за осень едва-едва бралъ 3—4 штуки косыхъ да пару тетеревей.

Къ Григорію мы съ Михайломъ обыкновенно приходили подъ праздникъ съ вечера и, еще не доходя версты до его избушки, давали рогъ. „Нѣмтушка“ начинала отчаянно лаять, Григорій бросалъ въ уголь свою работу и бѣжалъ насъ встрѣчать, съ радостью сообщая, сколько и гдѣ въ его рощѣ находится косыхъ: онъ зналъ наперечетъ всѣ лежки ихъ. Противъ крылечка избушки, подъ елками, были устроены нары, на которыхъ мы и спали, если ночь выдавалась сухая и теплая. Къ Григорію мы ходили осени три-четыре подъ рядъ и какъ плохо ни стрѣляли, но каждый разъ брали 2—3 штуки косыхъ; подымали же ихъ за день штукъ по 15—20, т.-е. на каждомъ шагу... Не знаю, живъ ли теперь безкорыстный, добродушный Григорій и гдѣ-то онъ находится! Послѣдній разъ мы видѣлись съ нимъ осенью 1893 г., и, Боже мой!—какъ обрадовался онъ мнѣ!..

III.

Въ описываемое время, середина 80-хъ годовъ,—гончихъ въ Вологдѣ было порядочно. Гончія были: въ мѣстномъ отдѣлѣ (2 смычка), у бр. Красиковыхъ (1 смыч.), у бр. Ситниковыхъ (1 см.), у П. А. Прилежаева (2 см.) и одиночная гончія—у гг. Гурлева, Ледкова, Зеленина, Четверухина, Богусевича, Жукова и мн. др. *).

Нѣкоторые охотники предпочитали охотиться съ гончими въ озеристыхъ мѣстахъ лощины р. Вологды, гдѣ зайца было пропасть. Къ такимъ любителямъ надо отнести гг. Богусевича, Жукова, братьевъ Красиковыхъ, Прилежаева. Тутъ охота всегда была добычлива, но зато ходьба, въ сравненіи съ лѣсомъ, адская. Благодаря зарослямъ ивы, ольхи, осоки и кочкамъ, зайцы здѣсь ходятъ подѣ гончими тихо, но стрѣлять на короткѣ весьма неудобно: либо вдребезги, либо чистый пудель.

Такъ какъ мой неизмѣнный компаньонъ Михайло въ одинъ прекрасный день уѣхалъ изъ Вологды въ Петербургъ на какіе-то особенно выгодные заработки, то я примкнулъ къ кружку Ледкова, сына заводчика. Съ нимъ въ слѣдующую осень у насъ и начались совмѣстныя охоты по окрестнымъ лѣсамъ и полямъ. Кромѣ насъ съ Горшей въ кружкѣ состояли: Четверухинъ, Пономаревъ, братья Зеленины—Иванъ и Михай. Соединенныя гончія составляли стаю въ 5 штукъ, которая прекрасно работала по зайцамъ. Охотились мы очень дружно и получали массу удовольствія. Иногда къ намъ присоединялись сыновья О. К. Маака у которыхъ была неважная гончая «Грачикъ». Излюбленными мѣстами нашей компаніи были по Пошехонкѣ—Коницевскія рощи въ 10—15 вер. отъ города, и кустарниковые лѣса влѣво по желѣзной дорогѣ до самаго Бурдукова. Гоню и стрѣльбы было досыта, но результаты охотъ рѣдко превосходили 6—10 косыхъ, пары вальдшнеповъ, рябчиковъ или утокъ.

Коноводомъ кружка былъ Михай Зеленинъ, — дѣтина

*) Стайка чудныхъ гончихъ была у старика Шрама.—Авт.

здоровеннаго роста, богатырской силы, обладавшій оглушительной октавой. Онъ лучше всѣхъ зналъ гончую охоту, недурно стрѣлялъ и нерѣдко выручалъ всю компанію. Затѣмъ, очень счастливо охотился съ нами А. О. Маакъ, иногда бравшій по 5 шт. косыхъ, которыхъ цѣлый день и таскалъ на своихъ плечахъ. Единственно, что огорчало нашъ сплоченный кружокъ,—такъ это Чирокъ, частенько воровавшій изъ-подъ носу чужихъ подранковъ, и сука «Діанка» Горши Ледкова, отчаянная скотинница: овецъ рвала немилосердно, такъ что не разъ хозяину ея приходилось платить крестьянамъ за ея продѣлки.

Не забыть мнѣ той продѣлки, которую мы устроили съ лисицей, убитой Михеємъ. Какъ-то осенью Михеємъ Зеленину довелось взять изъ-подъ гончихъ прибылую лисицу. По этому поводу, разумѣется, въ нашемъ кружкѣ веселье было великое. Такъ какъ Михей былъ его виновникомъ, то мы всѣ и собрались къ нему на торжество. Сообща мы рѣшили потѣшиться надъ другими охотниками. Для этого предложили Михею получать съ cadaго изъ насъ по 50 коп. съ тѣмъ, чтобы онъ далъ намъ на прокатъ свою лисицу. Михей посмѣялся, но согласился. На другой день я первый еще затемно утромъ во всеоружіи зашелъ къ нему (Михей жилъ на окраинѣ города, на такъ наз. «Глинкахъ»), надѣлъ на себя лисицу и пробрался на всполье, а затѣмъ и въ подгородніе кусты. Прогулявъ тамъ часа 3—4, я съ другого конца вошелъ въ городъ и торжественно съ такимъ «рѣдкимъ» трофеемъ промаршировалъ до дому. Конечно, публика и встрѣчные знакомые не мало дивились моей удачѣ. Дома я спряталъ лисицу въ сарай, а уже въ сумерки, въ мѣшкѣ, отнесъ ее обратно къ Михею. На другой день ту же исторію продѣлалъ Четверухинъ и т. д. Въ городъ входили мы съ разныхъ сторонъ. Нечего и говорить, какъ удивлялись нашей удачѣ мѣстные охотники и какая молва прошла въ городѣ объ обиліи лисицъ подъ Вологдой! Жаль только, что лисица порядочно подпарилась и шкурка ея потеряла всякую цѣнность!.. Съ Богусевичемъ въ озерахъ я охотился изрѣдка, уже осенью, въ октябрѣ, когда заяцъ подцвѣлъ и его легко было отличать въ гу-

стыхъ заросляхъ. Въ этой компаніи состояли, кромѣ инициатора Богусевича, М. Жуковъ, купецъ Быковъ, Захаровъ, и Горшокъ. Такъ какъ Богусевичъ жилъ за рѣкой, на другомъ концѣ города, а мѣста охоты находились поблизости его, то я подъ праздникъ обыкновенно забирался къ нему ночевать. До разсвѣта спали мало, а больше толковали объ охотѣ, читали или рассказывали разныя исторіи. Охотились мы по озеристымъ перелѣскамъ на Прилуцкихъ пожарахъ, за Доронинымъ (подъ Семидеревенщиной), по Молотьбѣ (въ Молотовскихъ озерахъ) и подъ Маегой. Тутъ гонъ у насъ не смолкалъ цѣлый день, стрѣляли много и косыхъ наколачивали порядочно, нерѣдко по 4—5 шт. на брата. Богусевичъ былъ счастливѣе другихъ: зная лучше насъ мѣста, онъ забѣгалъ и то и дѣло подбиралъ косыхъ. Много тутъ мы поднимали глухарей, тетеревей и бѣлыхъ куропатокъ, но не обращали на нихъ вниманія. Иногда мы здѣсь сталкивались съ Красиковыми или А. И. Бартошемъ, охотившимся съ офицерами Грязовецкаго баталіона (гг. Лудковскимъ, Гуцей, замѣчательнымъ стрѣлкомъ Володкевичемъ) и Лохматкой.

Охота по озерамъ въ этой вологодской тундрѣ имѣла свои прелести: тутъ чувствовался безграничный просторъ, при обилии зайца-бѣляка, только какой-то грустью вѣяло отъ божжизненныхъ обширныхъ гарей да травянистыхъ поймъ, раскидывающихся вдоль безымянныхъ ручейковъ съ едва замѣтнымъ русломъ. Что бѣляковъ тогда тутъ водилось пропасть, свидѣтельствуется слѣдующее: однажды мы встрѣтили двухъ мужичковъ, которые на двѣ одностволки съ одной собакой взяли цѣлый мѣшокъ косыхъ (15 штукъ), который и тащили на стягѣ. Или такая вещь: весной, когда озера затопляетъ полоѣй водой, а остаются по лѣсу однѣ гривы, крестьяне богоявленскаго прихода пріѣзжаютъ сюда на лодкахъ и ловятъ руками на гривахъ косыхъ нерѣдко штукъ по 120 на брата. Ловля эта, по свѣдѣніямъ Отдѣла, практикуется и по сіе время.

Продолженіе слѣдуетъ.

Л. Александровъ.